

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.А. Беляев

Речь перед защитой магистерской диссертации

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1914. № 7-8. С. 938-947.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Рѣчь предъ защитой магистерской диссертации.

Лейбницъ и Спиноза (историко-критическое изслѣдованіе системы Лейбница, какъ опроверженія пантеистической системы Спинозы и какъ попытки дать философское обоснованіе христіанскаго теизма).

СПб. 1914.

Я долженъ прежде всего извиниться предъ почтеннымъ собраніемъ, что добрая половина моей рѣчи не будетъ имѣть прямого отношенія къ предмету диссертации, а будетъ рѣчью лишь по поводу диссертации. Это обусловливается тѣмъ, что настоящее сочиненіе нѣсколько уклоняется отъ обычнаго типа диссертаций на богословскую ученую степень. Оно, такъ сказать, не имѣетъ внѣшнихъ признаковъ богословской диссертации. Настоящее сочиненіе представляетъ собою критическое изслѣдованіе двухъ философскихъ системъ и написано по строго философскому методу. Богословское значеніе его обусловливается исключительно содержаніемъ тѣхъ проблемъ, которыя въ немъ изслѣдуются, а также направленіемъ этого изслѣдованія. Такой типъ богословской диссертации у насъ все еще довольно необыченъ, и представители „чистаго“ богословія склонны относиться къ нему нѣсколько подозрительно. Въ силу этого философствующему богослову приходится обыкновенно доказывать, что диссертации такого рода имѣютъ право на существованіе. Правда, мое положеніе значительно легче, чѣмъ положеніе другихъ диссертантовъ и диспутантовъ, выступавшихъ съ сочиненіями аналогичнаго характера. Теперь существуютъ уже прецеденты, имѣвшіе благопріятный исходъ. Однако, посвящая свою рѣчь реабилитаціи богословской диссертации философскаго типа, я все же не буду ломиться въ

открытую дверь. Дѣло въ томъ, что предубѣжденіе противъ подобныхъ диссертацій все еще остается, ибо остается источникъ, изъ котораго это предубѣжденіе питается. Этимъ источникомъ служить узость, робость нашей богословской мысли. Думается, что отмѣченные недостатки приносятъ громадный вредъ интересамъ русской богословской науки и вообще всей нашей религіозной культурѣ. Сознавая этотъ вредъ, я осмѣливаюсь оставить оборонительную позицію, которая болѣе соотвѣтствуетъ смыслу моего настоящаго положенія, и занять позицію наступательную, которой требуютъ отмѣченные высокіе интересы.

Состояніе нашей богословской мысли представляетъ удивительную аналогію съ состояніемъ нашей церковной жизни вообще. Кажется, характернѣйшей особенностью нашей церковной жизни служить то, что она отмѣчена господствомъ свѣтской стихіи, протекаетъ подъ знаменемъ ея преобладанія. Это, впрочемъ, нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что свѣтская стихія вошла въ самыя нѣдра Церкви и здѣсь получила перевѣсъ. Подобные упреки раздавались и раздаются, но они глубоко несправедливы. Скорѣе, наоборотъ, въ нашей церковной жизни заключается стремленіе ревностно оберегать свой церковный, духовный характеръ и даже нѣсколько преувеличенная боязнь предъ всѣмъ свѣтскимъ, мірскимъ. Господство свѣтской стихіи мы понимаемъ въ смыслѣ, такъ сказать, ея внѣшняго давленія на церковную жизнь. Это давленіе сказывается въ томъ, что въ чисто мірскихъ интересахъ для нашей церковной жизни поставлены опредѣленные и тѣсныя границы. Эти границы установлены уже давно; въ свое время дѣло не обошлось безъ борьбы съ церковной стороны, но съ теченіемъ времени все это забылось, и теперь эти границы уважаются, словно онѣ вытекаютъ изъ существа Церкви, словно онѣ подсказаны церковными интересами, а не интересами чуждыми Церкви, иногда прямо ей враждебными.

Положеніе богословской мысли характеризуется тѣмъ же давленіемъ со стороны свѣтской стихіи. Только здѣсь, т. е. въ отношеніи богословской науки, эта свѣтская стихія, разумѣется, представлена другими силами. Силы, которыя здѣсь мыслятся, суть свѣтская философія, свѣтская наука и вообще вся такъ называемая свѣтская, мірская культура. Со стороны этихъ силъ богословской мысли такъ же поставлено

достаточно границъ. Именно богословской мысли отведена особая, специальная сфера, отъ которой строго отграничивается область свѣтской философіи и свѣтской науки. Отношенія между этими областями имѣють подобіе строгаго взаимнаго нейтралитета, основываются на взаимномъ уваженіи раздѣляющихъ ихъ границъ. И здѣсь такое отношеніе установилось только послѣ упорной борьбы и противодействія со стороны богословской мысли, которая вначалѣ этихъ границъ совершенно не знала, такъ какъ и самыхъ понятій „свѣтская философія“ и „свѣтская наука“ еще не существовало. Эти понятія народились лишь въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда подъ воздѣйствіемъ классической древности, начался великій процессъ секуляризаціи философіи и науки. Чтобы отстаять права свѣтскаго знанія предъ могущественнымъ тогда богословіемъ, дѣятели этого движенія и выставили упомянутый принципъ нейтралитета и строгаго разграниченія областей богословскаго и свѣтскаго знанія. Разумѣется, сначала этотъ принципъ со стороны представителей богословской мысли встрѣтилъ энергичный отпоръ, но новое движеніе оказалось настолько побѣдоноснымъ, что сопротивленіе, въ концѣ концовъ, было сломлено, новый принципъ былъ принятъ представителями богословскаго знанія и ими прочно усвоенъ. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ того гипнотизирующаго дѣйствія, какое способно оказывать движеніе сильное и страстное даже на своихъ противниковъ. Такъ получилось, что принципъ по существу вредный интересамъ богословской мысли, выставленный со спеціальной цѣлью нанести ей ущербъ, былъ принятъ богословами, какъ нѣчто цѣнное, и отстаивается, какъ нѣчто соответствующее церковнымъ интересамъ! Теперь уже не только люди свѣтскаго лагеря говорятъ: „остановитесь, это не ваша сфера“, но такой окрикъ даже гораздо чаще слышится со стороны представителей богословскаго знанія, которые, такимъ образомъ, являются ревностными стражами границъ, противъ нихъ же установленныхъ!

Такъ создавался дуализмъ въ сознаніи человѣчества—дуализмъ двухъ областей, и даже двухъ правдъ, двухъ истинъ—богословской и философской. Этимъ дуализмомъ страдаетъ сознаніе всѣхъ народовъ европейской культуры, но нигдѣ онъ, можетъ быть, не сказывается такъ рѣзко, какъ у насъ въ Россіи. Это объясняется тѣмъ, что новое свѣтское напра-

вленіе у насъ не развилось на нашей собственной почвѣ, какъ это было у народовъ западныхъ, а явилось, какъ заносное, иноземное, чуждое. Нигдѣ наука такъ не чужда и не враждебна религіи, какъ у насъ; нигдѣ крайнія философскія направленія, особенно рѣшительно отвергающія высокія религіозныя цѣнности, не пользуются такой популярностью. Нигдѣ, съ другой стороны, богословская мысль не отличается такою робостію, нигдѣ она такъ не склонна покорно лобызаять стѣны той темницы, которую ея враги противъ нея же воздвигли. Нигдѣ, наконецъ, отмѣченный дуализмъ не проявляется съ такой конкретной опредѣленностью, какъ опять-таки у насъ. На западѣ, по крайней мѣрѣ, внѣшне богословское и свѣтское знаніе объединяются въ одной высшей школѣ—университетѣ; у насъ же университетъ является исключительно храмомъ свѣтской науки, богословское же знаніе культивируется въ особой специальной высшей школѣ.

Но, вѣдь, это же величайшая фальшь—этотъ дуализмъ двухъ правдъ и двухъ истинъ, эта непримиримая противоположность богословія и свѣтскаго знанія. Мы привыкли къ этой двойственности, загнипнотизированы ея обычностью, и не замѣчаемъ всей ея психологической и логической нелѣпости. На самомъ дѣлѣ, конечно, не можетъ быть двухъ правдъ, а должна быть только одна правда, одна истина.

Мы такъ легко примираемся съ отмѣченной двойственностью, можетъ быть, потому, что она соотвѣтствуетъ нашей духовной слабости, нашей нравственной дряблости, нашей теплохладности. Мы потому такъ легко успокаиваемся на этой двойственности, что наши убѣжденія слишкомъ теоретичны, что имъ недостаетъ страстности и огня. Будь все это, никогда бы мысль не осталась въ опредѣленныхъ, произвольныхъ ей поставленныхъ границахъ,—она хотѣла бы все обнять, все подчинить своей истинѣ. Подлинное и живое убѣжденіе всегда ревниво, оно не терпитъ соперниковъ. Путь компромисса—ибо иначе нельзя назвать отмѣченную двойственность мысли—насъ привлекаетъ потому, что онъ обѣщаетъ квіэтистическое благополучіе, спокойную замкнутость въ своей „специальной“ сферѣ. Здѣсь не требуется прозелитизма, не требуется борьбы, здѣсь не нужно принимать и наносить удары!

Но если дуализмъ богословія и свѣтскаго знанія съ теоретической стороны непріемлемъ, а съ нравственной предо-

судителенъ, то необходимо рѣшительно отказаться отъ него. Необходимо бороться за утраченное современнымъ сознаниемъ единство мысли и настроенія. Необходимо устранить антагонизмъ духовнаго и свѣтскаго, богословскаго и научнаго, нужно внести въ отношеніе между этими областями подлинный миръ и подлинную гармонію. Богословіе не должно себя болѣе отгораживать китайской стѣною отъ науки и философіи, а должно смѣло устремиться на завоеваніе этихъ областей.

Эти призывы могутъ показаться утопическими, несбыточными. Но не нужно забывать, что въ основѣ ихъ лежитъ аксіоматически вѣрная мысль объ единствѣ и единомудравіи истинъ. Къ тому же кое-гдѣ эти кажущіеся столь несбыточными призывы—уже совершившійся фактъ. Въ то время какъ у насъ съ какимъ-то суевѣрнымъ, пѣтическимъ страхомъ изгоняютъ изъ духовной школы чуть не всѣ свѣтскія науки, католическая церковь не боится подчинять своему влиянію цѣлые университеты, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ Австріи.

Устраненіе давняго дуализма религіознаго и свѣтскаго сознанія соотвѣтствуетъ также и интересамъ свѣтской науки и вообще свѣтской мірской культуры. Тотъ процессъ секуляризаціи, коему эта культура обязана своимъ существованіемъ, въ настоящее время дошелъ до своихъ естественныхъ предѣловъ, такъ, сказать, изжилъ самъ себя. Поэтому, въ различныхъ отрасляхъ свѣтской культуры замѣчается жажда религіозной стихіи, томленіе по религіозномъ принципѣ. За процессомъ секуляризаціи теперь долженъ послѣдовать обратный процессъ—десекуляризаціи, размѣщенія культуры во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. Въ виду такого положенія дѣла на обязанности представителей богословской мысли лежитъ пойти на встрѣчу этому движенію, преодолѣвъ въ себѣ воспитанное долгимъ теченіемъ жизни отвращеніе и отчужденность отъ всего мірскаго, свѣтскаго.

Итакъ, все говоритъ за то, чтобы богословская мысль сошла съ позиціи замкнутости и отчужденности отъ силъ мірской культуры и вошла бы съ ними въ тѣснѣйшее соприкосновеніе. Вполнѣ естественно, что начало должно быть сдѣлано въ ближайшей и наиболѣе родственной богословію области, какою, конечно, слѣдуетъ считать область философіи. Миръ и гармонія между богословіемъ и философіей—

такова ближайшая задача современной богословской и философской мысли. Съ этой стороны нельзя не пожалѣть о томъ, что не осуществилось въ свое время заявленное пожеланіе о предоставленіи академіямъ права присуждать, помимо богословскихъ, и ученые философскія степени. Эта мѣра, надо думать, должна бы была существеннѣйшимъ образомъ содѣйствовать, съ одной стороны, размірщенію философіи, устраненію ея отчужденности отъ религіознаго знанія, а съ другой стороны, болѣе широкой постановкѣ богословскихъ задачъ. Впрочемъ, само по себѣ это право не столь важно и существенно. Самое главное—устранить отмѣченный дуализмъ двухъ истинъ и двухъ правдъ, и крѣпко утвердить въ вѣрующемъ сознаніи принципъ единства истины. Не важно, какое названіе мы будемъ прилагать къ ученой степени. Въ существѣ дѣла между докторомъ богословія и докторомъ философіи разницы нѣтъ: и тотъ и другой есть и должны быть докторомъ единой истины.

Послѣ этого, можетъ быть, оказавшагося слишкомъ длиннымъ вступленія, обращаемся, наконецъ, къ самому предмету настоящей диссертациі.

Бываютъ такіе историческіе факты, такіа историческія явленія, которыя получаютъ длительное, чуть ли не вѣчное значеніе. Причина этого заключается въ ихъ типичности,—въ томъ, что они концентрируютъ и ярко выражаютъ принципъ цѣлаго направленія, цѣлаго движенія. Къ такого рода историческимъ явленіямъ, съ длительнымъ значеніемъ, думается, принадлежатъ системы Лейбница и Спинозы. Неумирающее, принципиальное значеніе принадлежитъ каждой изъ нихъ, ибо въ каждой съ яркой типичностію нашло себѣ выраженіе опредѣленное направленіе философской мысли. Но значеніе обѣихъ системъ еще болѣе возрастаетъ, если мы возьмемъ ихъ не отдѣльно, а въ сопоставленіи. Дѣло въ томъ, что въ антитезѣ: Лейбницъ и Спиноза, нашла себѣ воплощеніе основная философская противоположность—противоположность кардинальныхъ философскихъ принциповъ, борьбою которыхъ характеризуется вся исторія человѣческой мысли, устремленной на постиженіе послѣдней основы бытія. Имя этимъ двумъ противоположнымъ принципамъ—личность и вещь. Можетъ быть, такая формулировка основной философской противоположности покажется нѣсколько экстравагантной, но, думается она весьма вѣрна и точно схваты-

ваетъ смыслъ основной философской антитезы. Къ тому же она отличается ясностью и опредѣленностію, ибо всѣ знаютъ, что такое личность и что такое вещь. Личность составляетъ основное понятіе опыта внутренняго, вещь является такимъ же основнымъ понятіемъ опыта внѣшняго. Личность—это живое „я“ каждаго разумно-нравственнаго существа. Вещь—это противостоящее ему мертвое не-я. Можно сказать, что личность есть чистая жизнь, есть максимумъ жизни, ибо личное сознание всегда утверждаетъ свое бытіе и не можетъ допустить, не можетъ представить своего уничтоженія. Вещь, напротивъ, есть чистая безжизненность, есть максимумъ безжизненности, ибо все свое содержаніе, весь свой смыслъ получаетъ чрезъ противоположеніе личности. Принципъ вещиности наиболѣе полно воплощается во всякомъ матеріальномъ, чуждомъ жизни и сознанія предметѣ. Это, такъ сказать, вещь по преимуществу. Но и все другое, что не есть личность, заключаетъ въ себѣ принципъ вещиности. Если такія безличныя существа и не суть вещи, то они суть отъ вещи, заключаютъ въ себѣ этотъ мертвый и мертвящій принципъ.

Несмотря на то, что изъ рассмотрѣнныхъ двухъ основныхъ принциповъ всѣ преимущества, какъ мы видимъ, на сторонѣ личности—ибо она настолько же выше вещи, насколько жизнь выше отсутствія жизни—однако, на дѣлѣ въ исторіи философской мысли рѣшительно преобладаетъ принципъ вещи. Европейская философія по преимуществу есть философія вещи.

Впрочемъ, мы должны замѣтить, что говоримъ о личности и вещи и ихъ противоположности лишь примѣнительно къ истолкованію именно послѣдней основы бытія, а не всякаго вида бытія. Можно держаться персональнаго направленія, напримѣръ, въ отношеніи тѣхъ или другихъ областей бытія, въ отношеніи же послѣдняго принципа существованія находится во власти принципа вещиности. Это можно видѣть на примѣрѣ греческаго религіознаго сознанія. Оно было персональнымъ въ отношеніи отдѣльныхъ областей бытія, но въ пониманіи послѣдней его основы недвусмысленно склонялось къ принципу вещиности, поскольку для грека за личными существами—богами стояла слѣпая безличная *εἰμαρμένη*, имѣвшая значеніе высшей силы, которой все подвластно и которая во всемъ дѣйствуетъ.

Итакъ, говоря о преобладаніи принципа вѣчности въ исторіи философской мысли, мы имѣемъ въ виду послѣднюю основу бытія, иными словами, мы имѣемъ въ виду не философію вообще, а метафизику. Строго говоря, существуетъ лишь три типа метафизики: метафизика греческая, метафизика христіанская и метафизика германская. И вотъ только христіанская метафизика безусловно стоитъ на сторонѣ принципа личности; что же касается метафизики греческаго и особенно метафизики германскаго типа, то онѣ склоняются къ принципу вѣчности.

Такимъ характеромъ безусловно отличается метафизика начала греческой философіи. Нужно замѣтить, что это предпочтеніе принципа вещи въ данномъ случаѣ было простодушнымъ и наивнымъ; оно обусловливалось просто тѣмъ, что еще слабо развитое философское сознаніе было обращено именно къ вѣчному міру и не замѣчало внутренняго міра личности. Только на вершинѣ развитія греческой философской мысли наивная метафизика вещи поколебалась въ своемъ значеніи, и совершается поворотъ въ сторону принципа личности. Говоря объ этомъ поворотѣ, мы имѣемъ въ виду собственно философію Платона и Аристотеля, хотя нѣкоторые симптомы этого движенія можно констатировать и ранѣе, напримѣръ, въ философіи Анаксагора. О послѣднемъ Аристотель говоритъ, что выступивъ съ ученіемъ о разумѣ, какъ началѣ міра и всякаго порядка въ мірѣ, онъ, по сравненію съ предшествовавшими ему философами, производитъ впечатлѣніе трезваго среди одержимыхъ полнымъ бредомъ.

Но даже въ своихъ самыхъ высокихъ образцахъ философія греческая никогда не могла освободиться отъ власти принципа вѣчности и стать вполне философіей личности. Такая философія впервые возникла на христіанской почвѣ и была результатомъ благотворнаго вліянія идей христіанскаго Откровенія на греческую философскую мысль. Христіанская метафизика долгое время единодержавно владычествовала надъ умами, но съ началомъ эпохи такъ назыв. новаго времени снова возраждается философія вещи и мало-по-малу получаетъ рѣшительный перевѣсъ предъ философіей личности. Философія Джіордано Бруно, философія Спинозы и, наконецъ, германская философія послѣ - Кантовскаго періода—вотъ главные этапы успѣха въ философіи вещи.

Въ томъ, что принципъ вещи снова получилъ преобладаніе,—этому не слѣдуетъ особенно удивляться, ибо въ вещи заключенъ великій соблазнъ, большая искушающая сила. Этотъ соблазнъ обусловливается присущимъ человѣку недовольствомъ собою, тѣмъ бѣгствомъ отъ себя, тѣмъ центробѣжнымъ стремленіемъ, которое можно назвать великодушнымъ заблужденіемъ человѣка... Человѣкъ слишкомъ низко цѣнитъ себя, чтобы высоко ставить принципы личности. И ему кажется, что болѣе высокій принципъ онъ найдетъ внѣ себя—въ этомъ бессознательномъ бытіи окружающаго его внѣшняго міра...

Что принципъ личности въ примѣненіи къ послѣдней основѣ бытія даетъ теизмъ, это ясно само собою. Но и что принципъ вещи, въ томъ же примѣненіи, необходимо даетъ пантеизмъ, это также не требуетъ большихъ объясненій. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только стать на путь презрѣнія къ личности, стоитъ только въ вещи усмотрѣть подлинный типъ бытія—и немедленно создаются данныя для пантеистическаго воззрѣнія. Если въ представленіи Бога беретъ перевѣсъ принципъ вѣчности, то Его отношеніе къ міру не можетъ мыслиться иначе, какъ пантеистически: Богъ тогда—энергія, сила или просто даже субстанція, а міръ лишь развитіе, дѣйствіе, модификація этой силы, этой субстанціи.

Какъ уже было сказано, новѣйшая философія—особенно философія германская—находится во власти принципа вѣчности и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, тяготеетъ къ пантеизму и отвращается отъ теизма. Но въ послѣднее время, безспорно, замѣчается отрезвленіе отъ этого гипноза вещи и поворотъ въ сторону личнаго принципа. Это движеніе можно констатировать во Франціи (персонализмъ Ренувье), въ Англіи (рядъ теистически настроенныхъ мыслителей) и даже въ Германіи (Эйкенъ). О Россіи нечего и говорить; здѣсь, благодаря духовнымъ академіямъ, никогда не изсякалъ живой родникъ христіанской философіи, только эта философія не пользовалась вліяніемъ.

Въ виду обрисованнаго положенія современной философской мысли, является вполне умѣстнымъ изслѣдовать оба принципа въ ихъ наиболѣе типичныхъ проявленіяхъ. Что философія Спинозы наиболѣе типичный образецъ пантеистической философіи вѣчности,—это въ исторіи философіи, можно сказать, установившееся мнѣніе. Философія же Лейб-

ница заслуживаетъ предпочтенія предъ другими видами философскаго теизма потому, что она создана въ значительной степени въ виду философіи Спинозы, такъ сказать, полемически заострена въ сторону послѣдней. Все это дѣлаетъ объ названнаго системы наиболѣе пригодными для изслѣдованія основной философской антитезы — вещи и личности.

Задача настоящаго труда заключается въ томъ, чтобы на конкретныхъ образцахъ показать преимущества принципа личности предъ противоположнымъ ему принципомъ. Насколько успѣшно эта задача выполнена — мы предоставляемъ судить другимъ.

Въ заключеніе своего слова, я считаю своимъ неперемѣннымъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность тѣмъ, чьею помощію я пользовался при написаніи настоящей диссертациі. Прежде всего я глубоко признателенъ Виталию Степановичу, который помогъ мнѣ въ выборѣ темы, преподавъ первоначальныя руководственныя указанія и за весь процессъ работы, съ присущими ему добротою и готовностію, постоянно приходилъ мнѣ на помощь своими совѣтами и указаніями. Признателенъ я также и второму рецензенту моей диссертациі — Дмитрію Павловичу, который, со свойственной ему острою и вѣрностію критической мысли, указалъ на нѣкоторые пробѣлы и дефекты моей работы, которые я, по мѣрѣ возможности, постарался восполнить и исправить при печатаніи.

Равнымъ образомъ я считаю своею священною обязанностію благодарно вспомнить покойныхъ и живыхъ учредителей фонда въ память столѣтія нашей Академіи, на средства каковаго фонда была издана подлежащая защитѣ диссертациа.

В. Бѣляевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки